

ДМИТРИЙ ПИМИЧКОВ

**ПИСЬМА
ИЗ
КРЫЖОВЕННОГО
САДА**

**Писательская организация
Кострома, 1999**

Дмитрий Тишинков

Дмитрия Тишинкова в свое время «нашла» я, ему тогда было 17 лет. Теперь советы в направлении творчества давать бесполезно, ибо у него весьма оригинальное мироощущение. Он ничуть не романтик, его реалистическая бытовуха порой обескураживает. Актерствуя, он перевоплощается в тех, кого видит, с кем соседствует по жизни, — и стихотворения от первого лица несут определенный энергетический заряд, волнуют и порождают непреодолимый интерес к чтению то придурковатых, то грустных стихов.

© Костромская областная писательская организация

Таланта ему не занимать, а вот работать не умеет: иногда плохо продуманная строка портит все произведение. Однако, с Божьей помощью, это поправимо.

Хуже другое: Тишиников не хочет или не умеет домолчаться до стихов. Неволит свой мозг ежедневно, ежечасно, — и в результате в папке его стихотворений полторы-две тысячи достойных строчек... Я решила: вообще-то можно смело издавать трехлистовую книжку, ведь она практически первая для автора, и похожих на Тишикова в Костромской области поэтов нет. Он самобытен, оригинален, — сколько бы ни называли его местным Есениным. Никаких заимствованных интонаций.

В одной газетной статье о стихах Дмитрия Тишикова Александр Бугров (тоже многоопытный поэт) сказал: «Тишиникову замечательно удается показать абсурдность обыденности и анекдотизм безысходности... Многие стихи кажутся картинками с натуры. Реальность... шаржируется до гротеска».

Далее А.Бугров заметил в глазах брата-поэта «необъятную вековую скуку» и «чисто русский тип ленивой досады, которая надежно скрывает многое, таящееся в душе, и определяет... своеобразие художественного мира Дмитрия Тишикова».

Да, я склонна согласиться со взглядом Бугрова.

Считаю: книгу нужно издавать, и чем скорее — тем лучше.

Член правления писательской организации — поэт Н.Снегова

29 июня 1999 г.

Дмитрий Жуков

* * *

Как с надрезов обильные соки
по нагретым стволам побегут,
окажусь, молодой и высокий,
в тот же миг на крутом берегу.

Отстегнув от бушлата подкладку,
запою «без приема на грудь».
И ничто, даже ветер прохладный,
не заставит ее пристегнуть.

Будет песня лететь по просторам,
оперенная басом моим.
А под вечер
 с женой по-простому
за хорошим вином посидим.

Дмитрий Жуковский

* * *

Попритихли птицы.
Под навесом снова
остывает пицца
на столе дубовом.

Над сырой дорогой,
растворившись в тучах,
проползла убого
радость от полочки.

Как исчезло стаи
птичьей отраженье —
на земле не стало
никаких движений.

Лишь квадрат кроссворда
пухнет под водою,
да собака мордой
тычется в ладони...

Письма из прижизненного сада

* * *

Дым костра над голым садом
навевает грусть.
Но бороться с ней не надо.
Я и не борюсь.

Снег ложится понемножку
на густую грязь.
Погулять по снегу кошка,
видно, собралась.

Пусть в охотку помурыйжит
кот ее в снегу.
Я и без подружки рыжей
погрустить могу.

Но сгорать под дыма шелест
не спешу. Не срок.
Окромя него еще есть
в сердце костерок.

Если даже снег и холод
одолеют дым,
не расстанусь с комсомолом.
Буду молодым.

Дмитрий Жуковский

* * *

Месяцев пять до прихода тепла —
от ноября до апрельского света —
сквозь абажуры из стали и веток
желтая краска на землю текла.

Тех фонарей металлический лес
враз потускнел в невесомом апреле.
Желтым они чуть заметно горели,
цвет уступая свой цвету небес.

* * *

Даже
 резво
 скачущие
 кони
у реки притормозят попить.
Неужели ты еще не понял,
что не стоит время торопить?

Невозможно из дороги длинной
и привалы вычеркнуть, и сны.
Жизнь —
она ведь лишь наполовину
состоит из света и весны...

* * *

Поначалу хрипло ойкал —
с каждым вздохом ой да ой —
у заснеженной помойки
мужичонка пожилой.

Но потом, хлебнув из фляжки,
хохотал, как дурачок.
С водкой, видно, и в тельняшке
сердцу холод нипочем.

На десерт откушал яблоч,
замороженных уже.
Вид у яблоч был не яроч.
Впрочем, как и весь сюжет.

Ни детей не знал, ни пенсий
живший через «не могу».
Он не слышал даже песню,
что про яблоки в снегу...

Дмитрий Жушников

* * *

Вели меня мои глаза
к началу всех начал,
минуя сказочный вокзал
и старенький причал.

Я шел, сверяя с картой курс,
к истокам славных дел.
На надписи «Тбилиси», «Курск»
я даже не глядел.

Пульсировала цель моя
по прихоти Петра.
И не гасили тот маяк
ни годы, ни ветра.

Я каждой клеткой ощущал
дыхание Невы.
И забывал о тех вещах,
что говорили вы.

Вы мне советовали быть
спокойней и ровней.
Но я сменил квартирный быт
на запахи полей.

Письма из крымского сада

А в тех полях, как Микки Рурк*
в постели поутру,
я грезил:
скоро Петербург
и памятник Петру!

И вдруг явилось мне в траве
начало всех начал:
лежу у Волги, в Костроме,
в кустах на левой стороне,
под бронзой Ильича...

* * *

Пьяница потянется
и пойдет с ведром.
Не веселый пьяница —
у него синдром.

Улица нахмурится.
Далеко не Крым.
Продувает улицу
ветром ледяным.

Жизнь такая тяжкая.
Горечь, а не мед.
Брякая подтяжками,
пьяница идет.

* Микки Рурк — артист Голливуда.

Дмитрий Жушников

* * *

Много потратил ума и труда,
бросив контору.
Жуткое дело — приснилась вода,
гибну в которой.

Видел поля в постановке ночной,
лес и к тому же
видел, как плавно по глади речной
лебеди кружат.

К черту работу. Поехал к реке.
Нет, не на Волгу.
Та, что приснилась, она вдалеке.
Ехал я долго.

Дальше — полями, затем через лес.
Солнце к заходу.
В сумерках все-таки мой интерес
вышел на воду.

Ноги гудели, как юной порой
утром от танцев.
Сердце сливалось с вечерней зарей:
надо остаться!

Я бы остался, исчезнув от дел
облаком пыли,
если бы только на этой воде
лебеди были...

Письма из прижизненного сада

* * *

Весь пожелтев от табачного дыма,
в срочном порядке
снег разбросал я тудыма-сюдыма
ради зарядки.

Скоро двенадцать. Супруга на службе.
Дочка у предков.
С Колькой, согласно сложившейся дружбе,
видимся редко.

Кошка блудливая, даже состарясь,
бродит с котами.
Эти скоты все же так и остались,
видно, скотами.

Ни уважения к женскому праву,
ни благородства.
Как ей одной с похотливой оравой
в марте бороться?

Да и соседка, как рыжая Мурка,
в плащике ветхом
шастает с Васьками в кожаных куртках
по дискотекам...

Дмитрий Жушников

* * *

Очутиться бы в старом Тбилиси
и вернуть сумасшедшую ночь.
Этой ночью мы так напившись бы,
что никто не сумел бы помочь
в самолет погрузиться!
Да ну их,
и Москву, и приволжский простор...
Раз плевать им на то, что волнует
этот город меня до сих пор.

* * *

Господи,
как хорошо
в марте опять и опять
снежный раздувшийся шелк
лыжными палками мять.

Худо ли,
в правильный круг
влившись с простором лесным,
смехом тревожить подруг,
ждущих тепла от весны?

И, замыкая кольцо,
словно в пучину страниц,
разгоряченным лицом
рухнуть на белое ниц.

* * *

Придавлю магнитолой тетради,
а наброски отправлю в сортир.
Неужели печального ради
я пришел в этот праздничный мир?

Неужели январские грезы
мне дороже реальной весны?
И надразов березовых слезы
не затопят бумажные сны?

Стану снова лихим и доступным
и уйду в развеселую ночь,
позабыв, что в чернильницах-ступях
время синюю воду толочь.

Дмитрий Жушников

* * *

Стрелка на север укажет.
Сердце прикажет: на юг!
Быть заварухе.
Пока что
солнце и зелень вокруг.

Жил я в селе полускрытно,
но не корыстно, а так...
Жил бы на юге — и с Крыма
сливок не снял бы. Дурак!

Если мой старенький компас
вдруг ни с того ни с сего
вскоре укажет на космос —
я возвращаюсь в село...

* * *

Спросила ты: хочу ли я весны?
Так вот,
официально заявляю:
зимой намного красочнее сны,
особенно — что снятся февральями.
А по весне слабеет организм.
И сны слабеют.
Хочется чего-то
естественного.
По наклонной вниз
идут и сны, и прочая работа,
которую пронизывает ось,
свободная от грядок, сенокосов.

Но в эту зиму плохо мне спалось.
Особенно перед твоим вопросом.

Дмитрий Жуковский

* * *

Начинает проявляться жизнь
с самой нехорошей стороны:
то друзья ложатся под ножи,
то с жильем проблемы у родных.
Все идет, по-моему, к тому,
от чего не занавесить штор.
Одного я только не пойму —
а меня-то, Господи, за что?
Карандаш спасает от проблем.
От вина оберегает код.
Жирного и острого не ем.
Бегаю на лыжах далеко.
Растираюсь снегом по утрам.
Сигареты? Даром не нужны.
Не грущу от триллеров и драм.
Не клюю на выпады жены.
Но живу от счастья вдалеке,
словно формул правильных изгой.
В тяжело опущенной руке
не хватает тяжести другой.
Прежде полагал,
что тридцать лет
для поэта ушлого не срок.

... Был бы мне положен пистолет —
десять к трем
нажал бы на курок.

* * *

Улыбаться способен приветливо,
несмотря на пургу и мороз.
Но чтоб руку подать, я до этого
в полном смысле еще не дорос.

Вы высокая очень, но нежная.
(Несмотря на мороз и пургу.)
Сколько зим вместе с вами уж езжу я,
а остынуть никак не могу.

Скоро стану совсем обходительным.
Намекнете — и руку подам.
Не пойму:

почему же водители
вас не возят бесплатно, мадам?

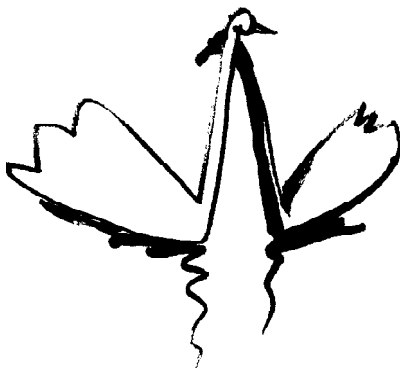
Дмитрий Жушников

* * *

Отжелтела мутно
над прудом луна.
Шевельнулось утро
пенной в валунах.

Проплывают мимо
сердца облака.
Их необходимость
косвенна пока.

Распростится с тишью
стылый водоем,
и четверостишья
растворятся в нем...

* * *

По вечерней Костроме
Дон-Кихот шагал с работы.
Что вертелось в голове
в поздний час у Дон-Кихота?

Может, он мечтал вином
разогреть остывший панцирь
или посмотреть кино
на кассете с Санчо Панса?

Может, просто посидеть
он хотел за чашкой чая,
глядя в самовара медь,
телевизор не включая?

Ну а может, для коллег
будет печь пирог с грибами?
... Ног железных не сгибая,
шел с работы человек.

Дмитрий Жуковский

* * *

Веселье будет бесконечным —
в глазах побагровевших дам
затлела страсть, но ей беспечно
не место разгораться там.

Чешуйки пряного посола
пикантно на губах висят.
Тем дамам лет уже по сорок,
а может быть, по пятьдесят.

К утру, икнув под плеск «Агдама»:
«Хотите, Пушкина прочту?» —
особо пламенная дама
осуществит свою мечту.

Дмитрий Жушников

* * *

Мне говорили: «Ты хотя б,
уйдя от рюмок,
завел для радости котят».
А я угрюмо
покрепче нитку привязал
к чеканке в среду
и слушал, закатив глаза,
ноктюрн Альфреда.

В четверг очнулся:
«Данке шон,
маэстро Шнитке.
Родился вьюн, и он пошел
гулять по нитке».

Но не ответил мне никто
на сердца зуммер.
В субботу я узнал о том,
что Шнитке умер.

* * *

Нынче я не ходил за черникой,
не кормил по утрам комаров.
Распрощавшись с природою дикой,
я дичал среди пыльных дворов.

Не купался, не прыгал на сене,
не стонал от порезов и жал.
Я все лето и хвостик весенний
в огороде на досках лежал.

Стук заслышав, замру:
не меня ли?
Облегченно вздохну:
«Не меня...»
Ничего под собой не меняя,
лишь газеты да небо менял.

Ночью,
взглядом тяжелым и мудрым
успокоив небесную рать,
я ступал на диван,
чтобы утром
вновь на доски идти загорать.

Дмитрий Жушников

* * *

Поползла души кривая
вниз по краешку дороги.
В ней, темнея, вызревает
чувство скорби и тревоги.

Я спросил у серой птицы,
что рехнулась от простора:
«Доведется ль возвратиться?»
«Доведется. Но не скоро...»

* * *

Дом построят, и место работы
потеряю.
Пока что совсем
без куска не сижую.
По субботам
у мамыли добавочно ем.

Муза нынче не кормит счастливых,
променявших лопаты на пруд.
Хорошо, хоть опавшую сливу
торгаши по дешевке берут.

Коль на сливе ни жиру, ни весу
не удастся набрать к холодам,
то до мая пробалуюсь прессой:
«Не хотите ль газетку, мадам?»

* * *

За речкой у холма,
где глина и песок,
никто и задарма
земли не брал кусок.

Три дерева лесных
росли на месте том.
И вдруг за полвесны
огромный вырос дом.

И в спальне хорошо.
И кухня не тесна.
Октябрь уже пошел,
а в доме все весна.

Горячею рукой
хватая первый снег,
смеялся за рекой
заезжий человек.

У низкого холма,
где глина и песок,
не зря он задарма
земли купил кусок.

Затянет ли тоска,
накроет ли беда —
он с этого куска
теперь уж никуда...

Дмитрий Жушников

КОСТРОМА

Доверчива, приветлива, нежна,
подобрана рекою, словно лентой.
А по большому счету, не нужна,
родимая, ты даже президенту.

Конечно, внуки ездят иногда
в провинцию с программой культурной.
Но ласки ждут солидной города,
а ты тут со своей мануфактурой.

Оставь в покое старый монастырь.
Династия оборвана, и ныне
его горячий статус поостыл.
Иное время. Ценности иные.

Святой источник даже на поток
поставили. Сенсации не вижу
в том, что крещеных тянет на Восток,
не говоря про Римы и Парижи.

Пока не разбазарили у нас
Островского. Дедков в цене немало.
В почете сыр, коровы, водка, квас.
Так этого и в Вологде навалом.

Котируется маленький музей
с картинами Ефима Честнякова.
Шуваловы в почете у друзей.
Да толку-то от имиджа такого...

Ну Ярцев отфутболил пару лет.
Щербина поднимал в Берлине знамя.
О том, что я — известнейший поэт,
по-моему, и Коробов не знает.

Храпит над Волгой древним Васюком
наивный город, что ферзём украшен.
И хоть давно я с городом знаком,
чего-то не хватает дружбе нашей.

Дмитрий Жуковский

* * *

В пейзажи монотонные
вплелись бутоны роз.
Я с этими бутонами
и молодец, и рос.

Те розы исключительно
цвели для диких пчел.
Я с ними без учителя
Тургенева прочел.

И возрастом, и внешностью
дошедший до Христа,
я все же «Воды вешние»
читать не перестал.

Когда по жизни талая
текла за мной вода,
цветов дарил немало я,
но розы — никогда.

* * *

Лето всякое бывает.
Но всегда чего-то ждешь.
А жарища чумовая
или двухнедельный дождь
лишь усиливают жажду
у меня по ровным дням.
И, познав покой однажды,
чувство это не отдам
ни за осени страницы,
ни за зимние ковры.
Разве с чем-нибудь сравнится
в колокольчиках обрыв?
Не заменит синь бассейна
свет небесный на пляжу.
А когда поспеет сено,
я совсем с ума схожу.

Дмитрий Жушников

* * *

Дом на Советской готовится к сдаче.
Мне уже тридцать два.
Рад ли я этой февральской удаче?
Счастлив ли я?
Едва ль...

Скоро весна,
и теплом неизбежным
станет с югов тянуть.
Буду ли я благородным и нежным?
Брошу ли пить?
Отнюдь.

Осень дороги окутает пледом.
Пледом рябой листвы.
Станет ли дом на Советской при этом
частью меня?
Увы...

Дмитрий Жушников

* * *

Разболелась дочь моя
в аккурат на День влюбленных.
Средь микстур, горшков, пеленок,
словно пастор, лазал я.

И, как любящий отец,
не шумел, не спал, не брился,
только малость обкурился,
похлебав под бражку щец.

Да дрожащею рукой
осенил себя картинно.
Словом, был я никакой
в День святого Валентина.

* * *

На берегу высоком и отвесном,
моральям светским бесконечно чужд,
стоял дурдом, отстроенный собесом
для взвездных и нестандартных нужд.

Там на свирели целый день пиликал
особо одаренный идиот.
Да каждый был по-своему великим,
такой уж шизофреники народ.

Трагедии ничто не предвещало,
коль император — вся палата Рим,
когда сестра в ночи заверещала
истощное и страшное: «Горим!»

В густом дыму, под радугу свирели,
среди берез у самой у реки
с восьмого на девятое горели
забытые собесом дураки.

Дмитрий Жуковский

* * *

За белыми снами — зеленые сны.
В подушках теряя реальности нити,
на кровельный стук запоздалой весны
смешно и рассеянно шепчем: «Войдите...»

И входит она хороводом ветров.
Покуда бестравье и облик неброский —
ее принимает сантехник Петров.
Нарядится — примет художник
Петровский.

И в бурном потоке Наташ и Марин
закружат вконец ошалевшие души.
А с первой метелью опять — аспирин,
худые носки да холодные уши.

* * *

Ни о чем не печалюсь конкретно,
по густому весеннему льду,
зацелованный и предрассветный,
я апрельскую ночью иду.

Обожженный заволжскою девой,
рыхлый лед подминаю ногой.
Еле-еле полоской несмелой
приближается берег другой.

Назову ли подобное счастьем,
под собою почувствовав дно?
Соберутся ли хрупкие части
в монолитное что-то одно?

В незаконченном действии этом
не хватает июньской зари.
И мерцают загадочным светом
на другой стороне фонари...

Дмитрий Жушников

* * *

Прибитый солнечным ударом
к речному белому песку,
я портил правила татарам
и наводил на них тоску.

Не в тесноте и не в обиде
шумели дети у воды.
А я лежал в нетрезвом виде
среди Татарской слободы.

Одна нога торчала прямо.
Вторая — на дурной манер.
И все-таки какая яма
весь этот бывший СССР.

Противны мне и те и эти.
Политик я ни бе ни ме.
И пусть всегда стоят мечети
в исконно русской Костроме.

В экстазе странном на Казань я
сменю родную Кострому
и в страшных муках обрезанья
вдруг что-то важное пойму.

* * *

От нежного слова светло.
От грубого слова знобит.
Под небом ночное табло
Медведицей Малой горит.

За стойкой на пару персон,
зарывшись в искусственный мех,
уходим в искусственный сон
и давим искусственный смех.

Готова ослабить мороз
былая подруга моя.
Но только мешает вопрос
насущенный:
оттаю ли я?

Дмитрий Жушников

ЭТЮД

Все было чудно. Рыбы было много.
Цена приемлема. Безветренно. Плюс два.
На красный свет перебежал дорогу
мужик в зеленом. А за ним, едва
не угодив под колесо КамАЗа,
впал в очередь бесцветный паренек.
Все было чудно.
Продавец ни разу
не нахамил народу.
А ларек
почти что утопал в реке улыбок.
Он был в почете. Очередь его
боготворила. И товарец рыбный
шел хорошо. И вроде ничего
не портило идиллию.
Конечно,
толпа, и лыбясь, поминала власть.
Но это тема вечная. А вечность
не может ни возникнуть, ни пропасть.
Все было чудно, не считая древка,
которым в ходе диспута слегка
элдэпээровка
капээрэфку
кольнула
возле самого ларька.

* * *

Кончался май.
Заканчивался то есть.
И начиналась слизанная мной
с телеэкрана
 чудо-киноповесть,
где по сюжету сторбленный герой
любил еще пока что без загара
студентку,
 и фигурой и лицом
прекрасную.
И вечерами пара
спешила на Садовое кольцо
свершать обряд единства по минутам,
отпущенным для исполненья грез.
К закату их
 заученным маршрутом
трамвай один и тот же часто вез.
Одни и те же, правда, разговоры
слегка сценарий портили.
Но все ж
основан фильм на действиях, в которых
на пару эту снисходила дрожь.
Тогда дорогу уступали люди
влюбленным, очарованным Москвой...
Да вот беда — актриса в Голливуде,
а я артист сугубо костромской.

Дмитрий Жуковский

* * *

В лесу, у новогодней елки,
забыв про честь,
лежали вповалочку волки,
просили есть.

И ежедневно, ежечасно,
что было сил
я им, голодным и несчастным,
еду носил.

Сам не одетый, не обутый.
В обход УКа
не поднималась почему-то
на них рука.

Пригрело солнце. Снег растаял.
На склоне дня
они от человеческой стаи
спасли меня.

Письма из призрачного сада

* * *

Желание глотнуть спиртного
с успехом я переборол.
Под языком гуляет новый
лицензионный валидол.

Расставляю чайную посуду
над слоем сохшихся перин.
Расширит слабые сосуды
под вечер нитроглицерин.

На звук старинной радиолы
слетятся в спальню комары.
И вновь таблетка димедрола
отправит в дальние миры.

Туда, где за чертою синей
всегда клубника по рублю.
Где, как Бочарников Василий,
я ветку каждую люблю...

Дмитрий Жуковский

* * *

Белеет парус одинокой...

М.Лермонтов

Заныли к осени суставы.
А может, это от вина.
У облупившейся заставы
моторка ранняя видна.

Она, как заспанный дневальный,
качалась мерно сердцу в такт.
И было как бы все нормально.
И в то же время все не так.

Вот заплевалась, заворчала
и тотчас скрылась вдалеке.
Какие ждут ее причалы
на остывающей реке?..

* * *

Похоже, на каникулы
уехала душа,
коль я с поста Великого
стихами не дышал.

Сбежала, значит, спутница
от сала и ухи.
Но осень раскрутится,
гулена, на стихи.

Когда лесами-рощами
пойдет грибная рать,
ворвется злая, тощая —
и сразу за тетрадь.

Дмитрий Жушников

* * *

В тишине, при тусклом свете,
подперев лицо рукой,
дремлет сторож на газете
над нечитанной строкой.

Мир, раздавленный локтями,
черно-бел и терпелив.
А во снах — лежи сетями,
пиво хлещет на разлив.

В неге сладостных хотений
то и дело там и тут
вдоль забора бродят тени
и запретное крадут.

Жизнь — как зеркало кривое.
Не спасает тяжесть век.
И щенок за дверью воет,
словно пьяный человек...

Письма из прижизненного сада

* * *

Над белым облаком фарфора
кружила розовая муха.
Давно просроченное мясо
ее не трогало уже.
А я сидел на табурете,
лишенный зрения и слуха,
и тихо таяли в ладони
часы работы Фаберже.
Шумели желтые газеты,
но я их шум уже не слышал.
Мерцали праздничные звезды,
но свет ко мне не доходил.
А где-то в старом зоопарке
пищали утренние мыши
и странно хлопал над водою
глазами серый крокодил.
Во мне опять болели зубы.
Хотелось мягкого чего-то.
Сосед по коммунальной кухне
редиску зрелую жевал.
Жена настойчиво будила
на бесполезную работу.
А я на жестком табурете
вчерашний вечер доживал.
И вот опять навстречу солнцу
взметнулись маленькие птицы.

Дмитрий Жушников

Навстречу им взметнулось солнце
для оправдания надежд.
А я искал в барханах пляжа
улыбки добрые на лицах
и находил чужие деньги
в горячем ворохе одежд.

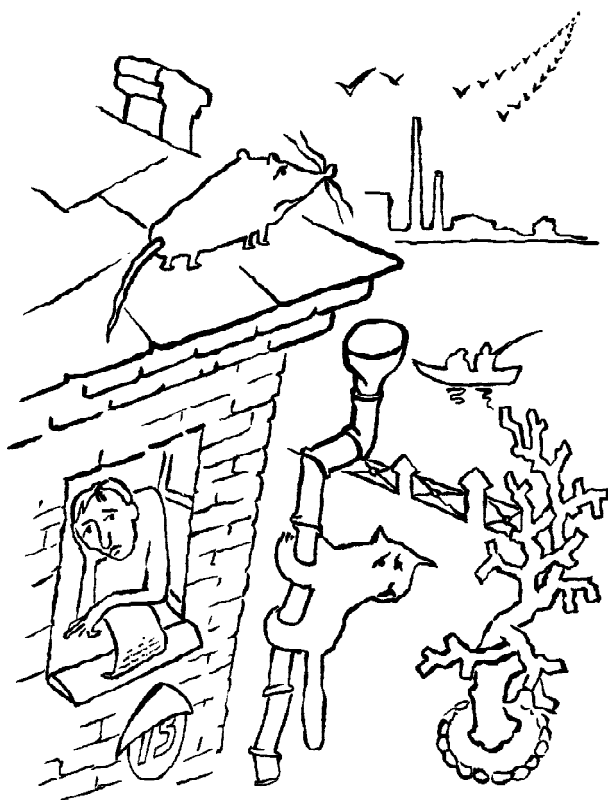
... Лишь вы безудержно порхали
на шестиместном вертолете.
В огнях воздушных поцелуев
сгорал безумный экипаж...

* * *

Штаны заштопать не умел
себе хотя бы.
Зато все время на уме
вино да бабы.

Он сигареты раздавал
под «этим делом».
Хотя по-трезвому бывал
совсем не смелым.

Порою вслед ему неслоь:
«Видали психа!»
По жизни мчался он, как лось.
А умер тихо.

Дмитрий Жушников

* * *

Я навеки разлюбил огонь.
Он лицо мне, пьяному, задел.
Было время — бил его ногой.
Было время — веселился, пел.

Сколько раз оттаявшей душой
мир делил на братьев и сестер.
Как был дорог этот небольшой
среди зимы порхающий костер!

В феврале оранжевый напор
вытолкнул на улицу меня.
Ни за что обиженный, с тех пор
я боюсь и дыма, и огня.

* * *

Вы меня любили и просили
подождать неделю, месяц, два.
Ну а я носился по России,
как Иван, не помнящий родства.

Я был я
и не боялся Бога.
Сладок мир эспандеров и гирь.
Привела железная дорога
дурака в кедровую Сибирь.

Отживу, отмучаюсь на БАМе,
приползу из комсомольских мест
и умру, горячими губами
обжигая ваш нательный крест...

Дмитрий Жушников

* * *

Любимая, я прост, как прежде.
Назло усмешкам и ворью
твои осенние одежды
особой памятью храню.

Но понимаешь, эта память,
не прикипевшая к судьбе,
когда-нибудь меня обманет,
и я не вспомню о тебе.

И то, что нравилось когда-то,
давно не нравится уже.
А память —
 тихая награда
моей бессовестной душе...

* * *

Светает.

Но на циферблате
не видно ничего. Зато
я видел, как на ситец платья
легло тяжелое пальто.

Куда?

Домой? Так слишком поздно.

На службу рано.

Что же ты

задумала?

Щекочет ноздри

забуханное в литр воды
количество валокордина.

Финал?

И в чью же пользу счет?

Ты так еще не уходила.

Я так не мучался еще.

Дмитрий Жушников

* * *

Ты разговора доброго хотела.
Хотела и не знала,
как же я
хотел,
 чтоб протабаченное тело
не покидало твоего жилья!

Прошла неделя.
Я, одновременно
расставшись и с тобой и с табаком,
живу в себе.
Ах, как же ты ревела
и убивалась, глупая!
О ком?!

Еще вопрос,
уж коли очень жалко
решившего до гроба не курить:
ты помнишь, где лежала зажигалка?

... Так стоит ли со мною говорить?

* * *

Люли-люшечки-люли,
маковки церковные.
Телефон мне провели
из прихожей в комнату.

Буду речи заводить
на диване кожаном.
И не надо выходить
босиком в прихожую.

Люли-люли-ой-ляля.
Пистолет заряженный.
Не пойти ль на три рубля
фаршу взять говяжьего?

* * *

Читая ваши письма из Парижа
и нюхая нездешние конверты,
мне хочется подвинуться поближе
к окошку,

из которого, поверьте,
доносятся французские мотивы
беспечности.

И даже понемножку
я различать учусь аперитивы,
разлитые у вашего окошка...

Дмитрий Жушников

* * *

Обрыв Татарской слободы
украшила большая вилла.
Она меня остановила
за десять метров до воды.
Я шел купаться. Ветерок
летел за мной, толкая в спину.
Завидев царскую домину,
я дальше двигаться не смог.
Нет, не рождались в голове
далекой смуты кривотолки.
То дело было на Неве.
А это — на просторах Волги.
Мне вдруг приспичило пожить
с размахом в каменной вселенной.
Роскошной виллы этажи,
как будто дивные сирены,
запели ласково,
раскрыв
свои решетчатые пасти.
Я устоял.
И тут, к несчастью,
возник под кедами обрыв...

* * *

Хожу как дурак по знакомым.
У всех детективы прошу.
А сам по ночам незаконно
стихи на работе пишу.

Когда же фломастер устанет
кружить среди тетрадных морей,
отдам их Борисовой Тане,
единственной музе моей.

Осудят друзья:
«Это слишком.
Берег бы ты, парень, тетрадь».
А что мне беречь,
если книжку
не хочет никто издавать...

Дмитрий Жушников

* * *

Зря обновили и ЦУМы и ГУМы.
Зря превращается в церковь бассейн.
Больше семьей не поедем в Москву мы.
Даже с полочки.
Ни разу.
Совсем.

Дело все в том, что большую собаку
в дом приволок я весной роковой.
Эта собака не хочет, однако,
кроме меня, признавать никого.

Только в калитку —
она уже злится.
Не пожелал бы такого врагу.
Вот привязалась...
Какая столица —
даже за пивом сходить не могу.

* * *

Промок я, словно идиот,
надеясь на удачу,
что, может, все-таки спасет
и нас автобус дачный.

Мы жили с кошкой под плащом
мечтой одной и той же.
И неизвестно, кто еще
грозы боялся больше.

Как всадник шпорами в коня,
впилась она в рубаху.
Ее потуги у меня
не убавляли страху.

Казалось даже, что вода
пошла еще сильнее
и небо больше никогда
уже не посинеет.

Но только дождик поутих
и солнышко блеснуло,
я сочинил про это стих,
а рыжая уснула.

Дмитрий Жушников

* * *

Не сумел я отцом стать примерным,
да и сыном был тоже плохим.
Отчего ж воскресением вербным
на высокие тянет стихи?

Неужели не все понапрасну?
Неужели в глубинах души
тлеет счастье далеким и ясным
костерком в непролазной глуши?

Я, по дереву тихо постукав,
все начну в этой жизни с листа.
Вдруг
благих вереница поступков
совпадет с воскресеньем Христа?..

* * *

Как бы то ни было — это мое.
Так говорил я себе, засыпая.
Долго ли нам оставаться вдвоем?
Крепко ли шов между нами пропаян?

Разум облаянный снова твердит
о нерушимости нашего брака.
В ЗАГСе подписанный мною вердикт —
самая важная, видно, бумага.

Ну а другие, что прячешь в бельё,
типа стихов молодого кумира —
это минутное, это твое,
это не есть основание мира.

Дмитрий Жуковский

* * *

Осень шпарит по полной программе.
Не спасает ни кофе, ни чай.
Убивает в твоей телеграмме
восьмибуквая просьба: «Встречай».

Неужели с такого похмелья
я поеду с утра на вокзал?
Равноценен ли завтрак постельный
невзначай подобрешим глазам?

Ты решила, что глупенький мальчик
попадет на маленький трюк?
Да я даже финальные матчи
никогда до конца не смотрю.

* * *

Кого-то хоронили без погоды:
зимой не пахло, осень отошла.
Какое неземное время года
душа для расставания нашла!

Вдруг сильный снег, спасая процедуру,
посыпал над притихшею семьей,
земную уравнив температуру
с температурой тела под землей...

Письма из сказочного сада

* * *

Белоснежка моя,
я снимаю кино.
Но не будет оно голубо и безгрешно.
Если ветер в лицо — значит, в кадре окно.
Коль по фильму дурак, то и в жизни, конечно.

Белоснежка моя, я твой преданный гном.
Но в какой-то момент я все правильно взвесил
и хожу сам не свой, заболевший кино.
А недавно совсем был беспечен и весел.

Я швырну на экран постановкой чудной
совокупность кривых нездоровых улыбок —
и порядок вещей, до предела земной,
отойдет от канвы, станет легок и зыбок.

И в руке у меня поползет пистолет.
Нет, не тот, что мелькал в духоте кинозала.
Ты шепнешь мне опять: «Сколько зим,
 сколько лет...»
Мне плевать на тебя и на то, что сказала.

Я не слышу ни криков, ни звуков, ни слов.
Слабо щелкнет курок или что там — не знаю.
Я отныне хозяин размазанных снов,
дорогая моя изуверка лесная...

Дмитрий Жушников

* * *

Никого не любя,
я по жизни иду.
Я иду, на себя
накликаю беду.

Я судьбой закален.
Я по-прежнему цел.
Но уже наведен
в междубровье прицел.

Пусть не вздрогнет курок.
Я и так упаду,
на распутье дорог
накликаю беду.

Затрудняется вздох.
Воздух резок и колк.
Я не то чтобы Бог,
я не то чтобы волк,

я последний ишак.
Я последний изгой.
Я туда — ни на шаг.
Я сюда — ни ногой.

Замерзаю в снегу.
Ни двора, ни кола.
Больше так не могу.
Эх, Борис Никола...

* * *

По сочной хляби чернозема,
оставив солнцу город дынный,
подошвами трамбуя зерна,
бредет узбек на запах дыма.

Здесь ждет его лихая доля —
убогий край с природой жуткой,
немое русское раздолье
и несварение желудка.

А он шаги по полю множит,
бодря себя узбекским матом,
и верит, что укрыться сможет
от всех невзгод одним халатом.

Дмитрий Жуковский

* * *

Не помню я зимы такой:
тревожил запах винограда,
но сто заледеневших радуг
вносили радость и покой.

Весна, зовущая беду,
душила смехом, жгла лучами.
А мы холодными ночами
спасали радугу во льду.

И нам подбрасывали снег.
Дарили яблоки из снега.
Но все напрасно.
Человек
забыл другого человека.

* * *

Цветы на белом покрывале
просились в свежую траву.
А мы в прихожей закрывали
свою последнюю главу.

Как в старом глупом водевиле,
вину никто не признавал.
Мы просто тихо уходили
от трав, цветов и покрывал...

* * *

Когда любить стихами некого,
когда не пьется в одиночку,
я вспоминаю Нины Снеговой
волшебный шепот:

«По глоточку...»

Дмитрий Жушников

* * *

В отсутствие российских игроков
болею за бразильскую дружину.
И мне директор Клуба дураков
сказал при встрече: «А не слишком жирно?»

Но я не принимаю этих стрел.
Не стоит, право, с дураком возиться.
К тому же я прилично загорел
и очень стал похожим на бразильца.

Бразилию люблю я горячо.
Какие пасы, грация какая!
Но я, друзья, совсем не дурачок.
Хотя на это часто намекают.

Хожу я в желтой майке иногда.
Но даже в этой драной полуформе
я не был идиотом никогда.
Ну а кому-то в дураках комфортней.

Разгуливаю так не для красы,
а для души, и только по субботам.
Есть у меня и синие трусы.
Вот в них-то я похож на идиота.

Письма из прижизненного сада

* * *

Тринадцать месяцев больной,
не пишущий вторую зиму
сидит поэт к столу спиной,
лицом к окну и к магазину.

Закат впитавшая,
над ним
мерцает бронзовая люстра.
Сегодня антикварный нимб
висит особенно обрюзгло.

Сосед привычно за ходьбу
стакан крепленого получит.
А он, как песенный поручик,
вольет в себя вина получше
и рухнет

с дыркой во лбу...

Дмитрий Жушников

* * *

Выставка Коровина
в костромском музее...
Как начислят кровные,
съезжу, поглазею.

Поглазев, порадуюсь
редкостной удаче
у крыльца парадного.
Ну а как иначе

подавлять щемящие
приступы финала?
Я ведь настоящего
видел очень мало...

* * *

Стирали бабы у моста
белье.
И к ним подвыпивший пристал
майор.
Майору надо бы идти
домой.
Но он сегодня до пяти
герой.
Вина хорошего в ларьке
купил.
И до пяти он на реке
кутил.
А к полшестому он слегка
ослаб.
Открыл глаза — ни кошелька,
ни баб.

Дмитрий Жушников

* * *

На асфальтовой опушке,
где стоит кирпичный лес,
примостился некто Пушкин.
Имя Пушкину — А.С.

Я порылся в каталогах,
весь обшарил Интернет,
но такого, да ей-богу,
даже в справочниках нет.

Он же Вове Преснякову
ни куплета не сложил.
Что-то, правда, бестолково
объяснили мне бомжи:

был, мол, свят и почитаем,
не поганил жизнь ничью.
Раньше все его читали
вместо сказок про Чечню.

В жуткой суете московской
только я обрел покой —
подвернулся Маяковский!
Ну а это кто такой?

Письма из прижизненного сада

* * *

Восторженно, с бенгальскими речами,
во всю свою отчаянную ширь
шарьинцы Жириновского встречали,
ползущего на поезде в Сибирь.

Придвинутая рельсами столица
влекла народ на сказочный спектакль.
Светлело небо, озарялись лица
людей, что жили до сих пор не так.

Все становилось ясно и понятно.
Толпа внимала зову чудака.
И ветер лапал голубые пятна
знамен свободы
нагло за бока.

Под стать народу
ветерок шарьинский
воспринял Вовку, видимо, всерьез.
И разошелся ветер, расшалился,
в момент забыв про платица берез.

Убрался вождь солидно и красиво.
Процесс пошел —
заполнялся сквер
желающими обозначить пивом
вступление свое в ЛДПР.

Дмитрий Жушников

* * *

Губернатор, сильнее держись
за тугую стропу Поволжья!
Всех ли выдержит наша жизнь,
обустроенная по-волчьи?

На унылой земле костромской
от любви не растаешь народной.
Даже бравый вояка Руцкой
взял губернию поплодородней.

Что задумает местная знать,
покидая трибуны и сцены?
Нам ли хлебные цены не знать,
не рубцовские — старые цены.

И, наполнив страны закрома,
вновь погрузимся в спячку устало.
Приютила царя Кострома,
а столицею так и не стала.

Я на область, пожалуй, один,
кто не ропщет в момент настоящий.
Лишь бы третий троллейбус ходил
да «Спартак» забивал почаще.

* * *

«На Волгу!

На Волгу!

На Волгу!!» —

как в чеховской пьесе: «В Москву!» —

визжу я в сенях без умолку,

слюной отгоняя тоску.

Одну обнаружил штиблету.

А вот и вторая.

Ага!

Какое короткое лето.

Какая кривая нога.

Раздулось шарфом полотенце.

И тенью

почти неземной

дочуркино стелется тельце,

едва поспевая за мной.

Дмитрий Жушников

* * *

У меня в вагончике на стройке,
как рабочих рассосется гам,
мастер, правил, видимо, не строгих,
инструмент крадет по вечерам.

Мне б, поэту, что-нибудь попроще.
Не привык я крупно воровать.
Унесу-ка гвоздиков для тещи —
на теплице пленку прибивать.

Может, снова у нее на даче
вспыхнет садоводческая страсть.
К сентябрю, коль выпадет удача,
попытаюсь лампочку украсть.

Ночью стылой, может, на террасе
поуютней станет.

А потом
свистну краски,
и с женой покрасим
бабьим летом на участке дом.

Есть обои.
Даже можно взять их.
Но не мил мне этот разговор.
Вы уж, мама, не ругайте зятя.
Я ж поэт, а не отпетый вор.

Письма из прижизненного сада

* * *

От небес и от талой воды
на овальные блюда похожи
под окошком чужие следы
и в углу у поленицы — тоже.

У отца и рисунок не тот.
Впрочем, эти совсем без рисунка,
А у тещи бы грузом забот
у дверей отпечаталась сумка.

След игрушечный дочки моей
растворился бы в этом размере.
А соседка? Так мы уже с ней
с позапрошлого года — как звери.

У следов утонченных жены
и просадка, и форма другая.
Эти ж — словно в снегу прожжены.
Да жена и не ходит кругами.

Я за пачкою пачку курил,
растревоженный: кто же бродил здесь?
Вспоминая, как поп говорил:
«Сын мой, в марте вы дважды родитесь».

И когда отступила вода,
целовал, как безумный, кадило.
Потому что я понял тогда —
это первая смерть приходила.

Дмитрий Жушников

* * *

За часом час, настырно,
понемножку,
жужжанием рассеивая хмель,
искал лазейку в маленьком окошке
в конце июня желтобрюхий шмель.
И я, не в меру выпив накануне
дешевой водки,
дорого платил
ознобом,
что случается в июне
лишь только с тем, кто оболочки сил,
оставшиеся от борьбы со снегом,
не уберег
и, выйдя на тепло,
шмелем, пчелой, синицей, человеком,
забыв про двери,
бьется о стекло...

* * *

В просторных снах, сырых и свежих,
душа покорно растворялась.
А были сны одни и те же.
Но что-то в них не повторялось.

И той несхожести забавной,
очаровательной, несмелой
так не хватало в роли главной
учителя с доской и мелом.

И может быть, не зная власти,
в какой-то точке разминувшись,
досрочно обретаем счастье,
так до конца и не проснувшись...

Дмитрий Жушников

* * *

В парке квасу я попил.
А у рынка
пирожок себе купил.
Вроде с рыбкой.

Шел по городу пешком,
веселился.
С голубицей пирожком
поделился.

Ну а город никакой
абсолютно.
Ни заката над рекой,
ни салюта.

Так, в тумане миражок
серебрится...
Хочешь с рисом пирожок,
голубица?

* * *

Нравится мне, как идут облака,
изморось сбросив.
Нравится мне, появляется как
бледная просинь.

Как разогретая ласкою недр
стынет водица.
Выйти б за хутор, пройти с километр
и заблудиться.

Нравится мне перед снегом бродить
в хвойном гареме.
Стал я последнее время любить
позднее время.

Дмитрий Жушников

Содержание

Н.Снегова. <i>Предисловие</i>	2
«Как с надрезов обильные соки...»	5
«Попритихли птицы...»	6
«Дым костра над голым садом...»	7
«Месяцев пять до прихода тепла...»	8
«Даже резво скачущие кони...»	8
«Поначалу хрипло ойкал...»	9
«Вели меня мои глаза...»	10
«Пьяница потянется...»	11
«Много потратил ума и труда...»	12
«Весь пожелтев от табачного дыма...»	13
«Очутиться бы в старом Тбилиси...»	14
«Господи...»	14
«Придавлю магнитолой тетради...»	15
«Стрелка на север укажет...»	16
«Спросила ты: хочу ли я весны?...»	17
«Начинает проявляться жизнь...»	18
«Улыбаться способен приветливо...»	19
«Отжелтела мутно...»	20
«По вечерней Костроме...»	21
«Веселье будет бесконечным...»	22
«Отпустят если колики...»	23
«Мне говорили...»	24
«Нынче я не ходил за черникой...»	25
«Поползла души кривая...»	26
«Дом построят, и место работы...»	26
«За речкой у холма...»	27
Кострома	28
«Пока не разбазарили у нас...»	29
«В пейзажи монотонные...»	30
«Лето всякое бывает...»	31
«Дом на Советской готовится к сдаче...»	32
«Разболелась дочь моя...»	34
«На берегу высоком и отвесном...»	35
«За белыми снами — зеленые сны...»	36
«Ни о чем не печалюсь конкретно...»	37
«Прибитый солнечным ударом...»	38
«От нежного слова светло...»	39
Этюд	40

«Кончался май...»	41
«В лесу, у новогодней елки...»	42
«Желание глотнуть спиртного...»	43
«Заныли к осени суставы...»	44
«Похоже, на каникулы...»	45
«В тишине, при тусклом свете...»	46
«Над белым облаком фарфора...»	47
«Штаны заштопать не умел...»	48
«Я навеки разлюбил огонь...»	50
«Вы меня любили и просили...»	51
«Любимая, я прост, как прежде...»	52
«Светает...»	53
«Ты разговора доброго хотела...»	54
«Люли-люшечки-люли...»	55
«Читая ваши письма из Парижа...»	55
«Обрыв Татарской слободы...»	56
«Хожу как дурак по знакомым...»	57
«Зря обновили и ЦУМы и ГУМы...»	58
«Промок я, словно идиот...»	59
«Не сумел я отцом стать примерным...»	60
«Как бы то ни было — это мое...»	61
«Осень шпарит по полной программе...»	62
«Кого-то хоронили без погоды...»	62
«Белоснежка моя...»	63
«Никого не любя...»	64
«По сочной хляби чернозема...»	65
«Не помню я зимы такой...»	66
«Цветы на белом покрывале...»	66
«Когда любить стихами некого...»	67
«В отсутствие российских игроков...»	68
«Тринадцать месяцев больно...»	69
«Выставка Коровина...»	70
«Стирали бабы у моста...»	71
«На асфальтовой опушке...»	72
«Восторженно, с бенгальскими речами...»	73
«Губернатор, сильнее держись...»	74
«На Волгу!...»	75
«У меня в вагончике на стройке...»	76
«От небес и от талой воды...»	77
«За часом час, настырно...»	78
«В просторных снах, сырых и свежих...»	79
«В парке квасу я попил...»	80
«Нравится мне, как идут облака...»	81

Дмитрий Тишинков

ПИСЬМА ИЗ КРЫЖОВЕННОГО САДА

Издания Костромской писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.

За справками обращаться по адресу:
156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.

Костромская писательская организация.

Web page: <http://www.kosnet.ru/~bam>

Телефоны: 31-21-09, 31-35-02

**Составление, общее и художественное
редактирование — М.Ф.Базанков
Редактор — Е.А.Разумов
Корректор — Н.Т.Перетягина
Иллюстрации — В.А.Любимов
Техническое редактирование,
компьютерный набор, композиция обложки,
оригинал-макет — А.М.Базанков**

Издание осуществлено при участии
фирмы “Цитадель”
ООО “Инфопресс”

Сдано в набор 08.09.99г. Подписано к печати 29.11.99г.
Заказ № 5583. Печать офсетная.

Отпечатано с оригинал-макета в областной типографии
им. М.Горького управления по делам печати и массовой
информации администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.